

УДК 82.0

Павлова И.Б.

*Институт мировой литературы Российской
академии наук (г. Москва)*

**“ДЕТСКИЙ ВОПРОС” В ПОСТАНОВКЕ
М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА И Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО**

I. Pavlova

*Institute of the world literature
of the Russian academy of sciences, Moscow*

**THE STATEMENT OF THE PROBLEM OF THE CHILDHOOD
BY SALTYKOV-SHCHEDRIN AND DOSTOEVSKY**

Аннотация. Проблема детства решалась М.Е. Салтыковым-Щедриным и Ф.М. Достоевским в тесной связи с драматическими размышлениями о судьбах родины, о семейном союзе, о самореализации человеческой личности. Художественно-философская концепция детства обоих писателей была во многом близкой. Они испытывали глубочайшую тревогу за ребенка в современном мире, указывали на опасность бездуховности, цинизма, превалирования материальных интересов. Салтыков-Щедрин видел главную цель в формировании человека-гражданина, который стремится к общественному благу. Достоевский выдвигал на первый план духовно-нравственное, христианское воспитание юношества, дающее ему незыблемые основания в жизни.

Ключевые слова: детство, будущее России, опасность бездуховности, человек-гражданин, христианское воспитание.

Abstract. Saltykov-Shchedrin and Dostoevsky solved the problem of the childhood in connection with the dramatic reflections of the destiny of Russia, of the family and self-realization of the personality. Their poetic and philosophical conceptions of the childhood were kindred. The writers felt deep anxiety about the child in the modern world, showed the danger of the spiritual indifference, cynicism, preponderance of material interests. The main aim for Saltykov-Shchedrin consisted in the forming the person, aspired to the common good. Dostoevsky put forward spiritual-moralistic, Christian education of children, as the stable basis in life.

Key words: childhood, the future of Russia, the danger of the spiritual indifference, the person, aspired to the common good, Christian education.

М.Е. Салтыков-Щедрин и Ф.М. Достоевский принадлежали к тем писателям, которых «до боли сердечной» волновала проблема детства. Она решалась ими в контексте драматических размышлений о судьбах родины, семейном союзе, о самореализации человеческой личности в переломную эпоху 1860-х-1880-х гг.

Н.К. Михайловский в книге «Литературные воспоминания и современная смута» выразительно охарактеризовал отношение Салтыкова-Щедрина к детям, потомству: «Согласно общей своей литературной физиономии, в которой сочеталась могучая непосредственность, с одной стороны, и сила неусыпного бодрствующего сознания – с другой, Салтыков обобщал личное чувство кровной связи с своими детьми до обширных горизонтов “веры в будущее”, преемственной связи с потомством вообще. Конечно, у этой несокрушимой веры в будущее были и другие корни, и, прежде всего, энергическая, деятельная натура самого сатирика, черпавшая в своей собственной силе уверенность в достижимости своих идеалов. Но, несомненно, что дети, не только свои, кровно родные, а и чужие, дети вообще занимали во всем мирозерцании Салтыкова исключительно видное место, которое оправдывалось для него и непосредственным чувством отца, и высшими теоретичес-

кими соображениями» [2, с. 86-87]. Во второй главе «Дневника провинциала в Петербурге» сатирик оптимистически писал о будущих поколениях: «Да, мы лучше наших пращуров. Но лучше не сами по себе, а потому, что мы отцы детей наших, которые, несомненно, будут лучше и наших пращуров, и нас» [3, т. X, с. 298].

В то же время Салтыков-Щедрин остро чувствовал, что окружающая действительность часто таит много опасностей, источников горя для ребенка, выступает враждебной ему. Художник создал ряд детских образов, которые вызывают глубочайшее сочувствие, грусть: это крепостные мальчики Миша и Ваня (рассказ «Миша и Ваня. Забытая история», 1863), решившиеся на самоубийство из-за непрерывных издевательств помещицы; внучки Арины Петровны Головлевой, сиротки Аннинька и Любинька («Господа Головлевы», 1875-1880), которых черствая, блажная старуха попрекала каждым куском, стоптанным башмаком, изломанной грошевой куклой; сын бедной помещицы Сережа Русланцев, потрясенный рождественской проповедью («Рождественская сказка», 1886). Остро поставлена проблема детства в хронике «Пошехонская старина» (1887-1889). В ней перед читателем разворачивается «подлинный детский мартиролог». Братья и сестры Затрапезные наблюдали тягостные картины крепостного права. К плохому физическому уходу присоединилось суровое, низменное нравственное воспитание. В семье господствовало неравенство, дети делились на фаворитов и нелюбимых, и это глубоко развращало их. Во всем укладе жизни господствовали проза, грубый материализм. «Но вы описываете не действительность, а какой-то вымышленный ад! – могут сказать мне. Что описываемое мной похоже на ад – об этом я не спорю, но в то же время утверждаю, что этот ад не вымышлен мной» [3, т. XVII, с. 24], – отвечает воображаемому собеседнику герой-повествователь. Автор не только яркими красками описывает печальное положение детей в семье помещиков Затрапезных, но специально посвящает VII главу хроники под названием

«Дети. По поводу предыдущего» общим рассуждениям о детстве, педагогике, «идеалах будущего». Как известно, статья «Дети» была написана Салтыковым-Щедриним в сентябре 1877 г. для «Русских ведомостей», но по цензурным причинам она не смогла появиться ни в этой газете, ни в «Неделе». Не желая поступаться ею, автор интерполировал статью в «Пошехонскую старину», где она стала самостоятельной главой. В ней размышления о воспитании, образовании подрастающего поколения связываются с масштабными вопросами о благополучии или злополучии страны. Проблема вселяет глубокую тревогу в Салтыкова-Щедрина, порожденную состоянием общества, семьи, уровнем педагогической науки. Ее основания не только идейные, а шире – гуманистические: «...мне жаль детей не ради каких-нибудь социологических обобщений, а ради их самих» [3, т. XVII, с. 72]. Художник придавал раннему периоду в жизни человека важнейшее значение, считая, что первоначальные впечатления оказывают определяющее влияние на натуру, формируют личность, через родителей и воспитателей ребенок приобщается к социальным отношениям. Салтыков-Щедрин подчеркивает что человек не должен погрязать в частностях современности, а стремиться к идеалам будущего, в которых воплощается все лучшее, завещанное и выработанное прошлым и настоящим. Когда общество поглощено лишь «злобой дня» и равнодушно к грядущему, это не может не сказаться отрицательно на молодом поколении. Сатирик оспаривает общепринятое мнение, внедряемое «разумной педагогикой», что нет возраста более счастливого, чем детский. Традиционная педагогическая наука утверждает, что ребенок пребывает в неведении добра и зла, всем существом своим отдается наслаждению настоящей минутой, представляет собой некую *tabula rasa* – чистую доску. (Д. Локк в трактате «Опыт о человеческом разуме», 1690, пользуется образом чистой доски для характеристики интеллекта ребенка до начала воспитательного воздействия на него со стороны окружающей среды). Воспитатели благонамеренных

граждан, с горькой иронией, замечает автор, не допустят проникнуть в детскую душу сомнению, под воздействием которого человек впервые получает понятие о несправедливости окружающего мира, его посещает горе, за ним следуют ропот и озлобление. И вот наступает момент, когда неподготовленная «разумными педагогами» личность оказывается перед всеразрушающей силой жизни.

Доказывая фальшь подобных теорий, автор подчеркивает, что страдания не может избежать никто, потому что ненормальна вся социальная организация. «Неправильность и шаткость устоев, на которых зиждется общественный строй, – вот где кроется источник этой обязательности, и потому она не может миновать ни одного общественного слоя, ни одного возраста человеческой жизни. Пронизывая общество сверху донизу, она не оставляет вне своего влияния и детей» [3, т. XVII, с. 75]. Дети резвятся, отдаются наслаждению минутой по-разному, очень многие забиты, принижены, брошены с пеленок. На основании продолжительных наблюдений сатирик приходит к неутешительному и парадоксальному выводу, что нет на свете жребия более злосчастного, нежели тот, который достался на их долю. Натура ребенка еще лишена определенности, у него не развито волевое начало, только формируется мышление, поэтому он беззащитен, не способен дать отпор попыткам извратить его природу, становится рабом случайности. Не все родители и педагоги разумны и опыты, чтобы угадывать характер детей. Над ними господствует, их сердца подчиняет воспитательная «система», представляющая собой плод временного социального настроения. История знает примеры мрачных эпох, когда общество отказывалось верить в освежающую силу знания и искало спасения в невежестве, когда идеалы меркли, на верования и убеждения налагался запрет. Жить в такое время мучительно, но зрелого, сложившегося человека спасает от душевной пустоты борьба, дающая сознание выполненного долга перед самим собой и другими. Она обязательно принесет плоды в будущем, укажет пути обновления, несмотря ни на какой

гнет действительности. Дети не имеют такого преимущества, они чужды всякого участия в личном жизнестроительстве, не могут знать, куда их ведут – научат ли противостоять испытаниям или превратят в жертву. Даже приобретая знания, они не отдают себе отчета в их полезности, целесообразности. Ребенку уготовано играть роль *animae vilis* – неразвитой души, для различных воспитательных опытов, делает печальное заключение Салтыков-Щедрин. Писатель обвиняет традиционные педагогические системы в конъюнктурности, спекулятивности. Они калечат детскую жизнь, искажают природу ребенка, заменяют действительное знание массой бесполезностей, «которыми издревле торгует педагогика» [3, т. XVII, с. 79]. Придавленные игом фатализма, дети не могут защитить себя. Люди вырастают в невежестве, вступают на арену деятельности с примитивными общественными идеалами, лишенными твердых нравственных критериев. «Сердца их поражены преждевременною дряблостью, умы не согреты стремлением к добру и человечности, понятие о Правде отсутствует» [3, т. XVII, с. 79]. «Система» не выпускает из своих цепких рук возмужавших детей. Превращенные ею в конформистов, они по инерции идут по проторенной стезе, всецело подчиняясь диктату общества, их стремления ограничиваются жаждой успеха и благополучия. Инфантилизм препятствует выработке критического, аналитического мышления. Салтыков-Щедрин обвиняет как педагогическую науку, так и практические методы воспитания, утвердившиеся в семьях, в том, что они зависимы от настроений минуты, не умеют направить юношество к высшим целям, а подчиняют его суете настоящего. Мысль «страшно за детей» неоднократно возникает в творчестве и письмах сатирика. «Детский вопрос», как «женский» и «мужской», вырастает у Салтыкова-Щедрина до проблемы свободы человеческой личности, судьбы отечества.

Художественно-философская концепция детства Достоевского во многих аспектах близка щедринской. В ее основе лежит убеждение, что в детях воплощается будущее, а

высшая гармония не стоит слезинки хотя бы одного замученного ребенка. Роман «Подросток» (1875) заканчивается словами: «...ибо из подростков создаются поколения» [1, т. XIII, с. 455]. В другом месте он пишет: «А в младенце столько надежд!» [1, т. XXIII, с. 26]. В майском номере «Дневника писателя» за 1876 год Достоевский высказывает предположение об особых возможностях познания у детей, которые не способны объяснить педагогика и психология. Пяти-шестилетний ребенок поражает подчас ужасающей, невероятной глубиной познания, «знает иногда о Боге или о добре и зле такие удивительные вещи и такой неожиданной глубины, что поневоле заключишь, что этому младенцу даны природою какие-нибудь другие средства приобретения знаний, не только нам неизвестные, но которые мы даже, на основании педагогики, должны бы были почти отвергнуть» [1, т. XXIII, с. 22]. Герой «Рождественской сказки» Салтыкова-Щедрина, взалкавший под влиянием рождественской проповеди Правды извечной и земной, – десятилетний мальчик. Как и писатель-сатирик, Достоевский остро ощущал всю ранимость, незащищенность младенческого, отроческого возраста. В своем художественном творчестве, публицистике, он неоднократно отмечал, что семейная обстановка, то направление, которое дается ребенку, во многом определяют его дальнейшую жизнь. В романе «Подросток» Версиков говорит о детях, оскорбленных «неблагообразием отцов своих и среды своей», которые «слишком рано завидуют» и питают «слишком раннюю и почти мстительную жажду благообразия» [1, т. XIII, с. 373]. В статье «Одна из современных фальшей» из «Дневника писателя» за 1873 год Достоевский отмечает, что большинство современных детей с самого первого детства «встречали в семействах своих один лишь цинизм, высокомерное и равнодушное (большую частью) отрицание; если слово “отечество” произносилось перед ними не иначе как с насмешливой складкой, если к делу России все воспитывавшие их относились с презрением или равнодушием; если великодушнейшие из отцов и воспитателей их твердили им

лишь об идеях “общечеловеческих”; если еще в детстве их прогоняли их няnek за то, что те над колыбельками их читали “Богородицу”, – то скажите: что можно требовать от этих детей <...>!» [1, т. XXI, с. 134-135]. Достоевский обвиняет так называемые интеллигентные слои в том, что юное поколение наблюдает в семьях чаще всего недовольство, нетерпение, грубость невежества, настоящее образование заменяется лишь нахальным отрицанием с чужого голоса, материальные побуждения превалируют, дети воспитываются в отрыве от почвы, в неведении морали, в неуважении к отечеству и в насмешливом презрении к народу.

Если социальный моралист Салтыков-Щедрин придает важнейшее значение формированию самостоятельно мыслящей личности, сознательного гражданина, цель которого благо родины, то Достоевский выдвигает на первый план духовно-нравственное, христианское воспитание, близость к «почве», народным началам, дающие человеку незыблемые основания в жизни. В октябрьском номере «Дневника писателя» за 1876 год он поместил статью «Два самоубийства», в которой обратился к поразившей его трагедии в семье Герцена. По убеждению Достоевского, смерть семнадцатилетней Лизы произошла «от тоски (слишком ранней тоски) и бесцельности жизни – лишь вследствие своего извращенного теорией воспитания в родительском доме, воспитания с ошибочным понятием о высшем смысле и целях жизни, с намеренным истреблением в душе ее всякой веры в ее бессмертие» [1, т. XXIV, с. 54]. Это была смерть «”от холодного мрака и скуки“, с страданием, так сказать, животным и безотчетным, просто стало душно жить, вроде того, как бы воздуху не достало. Душа не вынесла прямолинейности безотчетно и безотчетно потребовала чего-нибудь более сложного...» [1, т. XXIII, с. 146].

Для обоих писателей было несомненно, что дети обладают удивительными интуициями, инстинктивной тягой к добру, но несформировавшийся характер, неразвитые интеллект и воля, отсутствие жизненного

опыта делают их беззащитными перед лицом зла, податливыми ему. Именно это обусловило изуродованные судьбы, гибель молодого поколения Головлевых, страдания братьев и сестер Затрапезных, драмы детей героев Достоевского. Бремя познания тяжело и для взрослого человека, говорят оба писателя, а у отрока еще «неокрепшее сердце», которое может не выдержать и разорваться. Сила зла велика, и часто ребенок становится первой жертвой.

Великие русские реалисты Салтыков-Щедрин и Достоевский с болью и тревогой

указывали на прискорбные последствия воспитания в утилитарном духе, на опасность бездуховности, оторванности от корней, цинизма, которые отравляют детей с колыбели, определяют их участь и судьбу страны.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. – Л., Наука, 1972-1990.
2. Михайловский Н.К. Литературные воспоминания и современная смута. Т. 1. – СПб., 1900. – 504 с.
3. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. – М., Художественная литература, 1965-1977.

УДК 82.4

Самсонова И.В., Серопян А.С.

Шуйский государственный педагогический университет

ОСНОВАНИЯ РУССКОГО ЭКФРАСИСА

I. Samsonova, A. Seropjan
Shuya State Pedagogical University

THE BASES OF RUSSIAN EKPHRASIS

Аннотация. В статье излагается принципиально новый взгляд на роль экфрасиса в русской словесности. Созерцание движения вещественных символов открывает движение духовной реальности, а через него и цель этого движения, т. е. раскрытие божественного замысла, содержащегося в логосах. Традиции русского экфрасиса, истоки которого заложены в древних хождениях и развиты в паломнической литературе, продолжены в многочисленных описаниях храмов, икон, храмового действия, картин, архитектурных сооружений, музеев, выставок, содержащихся в текстах Н. Федорова.

Ключевые слова: экфрасис, символ, литургийность, миф, сакральное значение.

Abstract. The article deals with a new view of the role of ekphrasis in Russian literature. The contemplation of the movement of the material symbols opens the movement of spiritual reality, and through it the purpose of this movement, i.e. disclosure of the divine plan contained in logoi. The traditions of Russian ekphrasis the sources of which come from ancient pilgrim stories and are developed in the pilgrim literature, find their continuation in numerous descriptions of temples, icons, temple actions, pictures, architectural constructions, museums, exhibitions which can be found in N.Fedorova's texts.

Key words: ekphrasis, a symbol, the Liturgy, a myth, sacral value.

Современная художественная культура выработала идею концептуального искусства, в котором визуальность оказывается, по сути, излишней: эстетическую реакцию формирует исключительно концепт, абстрактный замысел объекта. Поэтому достаточно прочесть его словесное описание, формулу концепта, чтобы представить себе сам объект. Эта идея про-

© Самсонова И.В., Серопян А.С., 2011.

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного контракта П662 «Литургическое слово в русской литературе» по Федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 - 2013 годы.